

А.А. Дульзон

УДК 378

Реформы высшего образования и вузовское сообщество

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
А.А. Дульзон

Цель данной концептуальной статьи – усилить внимание вузовского сообщества и властей к проблеме глубокого системного кризиса высшего образования РФ и к необходимости всенародного обсуждения рациональных путей выхода из него. Рассмотрены истоки и развитие кризиса высшего образования в России и некоторые предложения по выходу из сложившейся ситуации. Подчеркивается необходимость привлечения к поиску путей и технологии выхода из кризиса широких кругов вузовского сообщества и российского общества в целом. Выражается обоснованное сомнение в адекватности применяемой технологии укрупнения вузов. Подчеркнута необходимость сбалансированного подхода к конкуренции в системе образования и смещение акцента на всемерное развитие кооперации на всех уровнях ее функционирования. Предложены первоочередные шаги, которые могут обеспечить создание базовых условий для нормализации ситуации и обеспечения в перспективе высокой результативности и эффективности работы вузовской системы. При этом решающая роль отводится требованию обеспечения высокого нравственного уровня коллективов и руководства вузов.

Ключевые слова: кризис высшего образования, укрупнение вузов, баланс конкуренции и кооперации, повышение результативности работы вузов.
Key words: higher education crisis, consolidation of higher education institutions, balance between competition and cooperation, increasing university efficiency.

Истоки, причины и факторы кризиса высшего образования в России

Реформы высшего образования периодически проводятся во всех странах, когда выявляется необходимость привести его в соответствие с изменившимися требованиями экономики и общества. Но вряд ли можно найти страну, кроме России, в которой реформы проводились бы непрерывно в течение четверти века. Конечно, уже в 1970–1980 гг. в высшей школе СССР, которая еще сохраняла высокий уровень подготовки специалистов, накопились довольно серьезные проблемы, требовавшие новых решений.

Переход от плановой к рыночной экономике, безусловно, был веской причиной для пересмотра и корректировки основных принципов государственной

политики и правового регулирования отношений в сфере высшего образования. Однако ход этого процесса вызывает по меньшей мере недоумение и даже неприятие со стороны вузовского сообщества, в котором сосредоточена основная доля интеллектуальной элиты государства.

Условия для проведения реформ образования в «лихие 90-е годы» были крайне неблагоприятными. Искусственное банкротство промышленности и сельского хозяйства страны за счет исчезновения госзаказа и лавинообразного роста тарифов практически остановили экономику страны, создав условия для беспрецедентного разграбления ее богатств узким кругом лиц. Государственные вузы, которых в начале 90-х гг. насчитывалось около 500, фактически тоже стали банкротами, они были не способны оплачи-

вать долги за энергоресурсы и воду. Тем не менее власть не стала их приватизировать, а, наоборот, пошла по пути создания еще 1,5 тысяч вузов и филиалов.

Общее число студентов в вузах СССР в конце 1980-х гг. составляло около 2,5 млн человек. В начале 2000-х гг. количество студентов в вузах только РФ достигло 7,5 млн. При этом дефицита специалистов в новой экономике не намечалось, поскольку из оборонных и других отраслей промышленности на улицу были выброшены сотни тысяч высококлассных специалистов.

Единственное логичное объяснение этого феномена, на первый взгляд казавшегося нелепым, заключается в том, что власти стремились убрать с улиц молодежь, а отнюдь не решали задачу введения всеобщего высшего образования в РФ. С этих позиций действия властей на тот момент можно признать рациональными. И даже сегодня тогдашнее решение можно оценить как рациональное: в противном случае были бы и масштабные беспорядки, и гибель молодых людей. В условиях массовой безработицы они вряд ли были бы лояльны к властям, и «майданы» во всех крупных городах России стали бы очевидно прогнозируемыми. Для подавления беспорядков властям пришлось бы применить военную силу. «Условно говоря, проще и менее затратно создавать условия для социализации личности в вузе, чем в тюрьме» [1, с. 75].

В те годы автору казалось, что именно вузы, сосредоточившие значительную долю интеллекта нации, станут основой возрождения нравственных устоев общества, примут активное участие в утверждении положительной системы ценностей, значительно разрушенных в 90-е годы. Ведь от студентов и выпускников вузов, многие из которых становятся руководителями больших и малых коллективов, в высокой степени зависит будущее России.

Преподавательский состав, который в советское время в большинстве своем приходил в вуз по призванию и привык

работать добросовестно, какое-то время по инерции продолжал это делать. Снижение качества работы ППС было обусловлено рядом факторов, прежде всего, крайне низкой заработной платой. Это привело к резкому падению статуса преподавателей, что отразилось как на отношении студентов к преподавателям, так и на отношении преподавателей к своим обязанностям. Так, работая первым проректором университета, автор в ответ на критические замечания в адрес преподавателей мог услышать возражения типа: «скажите спасибо за то, что при такой зарплате я в кассу прихожу, а вы требуете качественной работы».

Невозможность содержать семьи на нищенскую зарплату заставляла преподавателей браться за любую дополнительную работу, что, естественно, шло в ущерб учебной деятельности.

Резкое увеличение числа студентов, изменение их состава и установок не замедлили сказаться на качестве образования. Если в советское время большинство студентов приходило в вуз учиться, то в 90-е годы таковые оказались в меньшинстве. Автор в 2001 г. провел анонимное анкетирование студентов на двух потоках инженерно-экономического факультета ТПУ о мотивах поступления в вуз. Только около 20 % ответов можно было отнести к желанию учиться. Среди остальных, наряду с такими ожидаемыми ответами, как: «получить диплом», «избежать призыва в армию», «по настоянию родителей», «найти друга/подругу жизни», «уйти от опеки родителей», «остаться на содержании родителей» и т.п., был и совсем уникальный – «торговать в общежитии».

В такой ситуации значительная доля преподавательского состава потеряла стимул к эффективной учебной деятельности. В результате большинство студентов делали вид, что учатся, а многие преподаватели делали вид, что учат. Так, Я.И. Кузьминов с соавторами признают, что «...во всех рассмотренных группах, кроме группы исследовательских

университетов, присутствуют вузы, в которых в значительной части учебных программ образовательный процесс лишь имитируется» [2, с. 53].

Переход к англо-саксонской системе образования, подключение России к Болонскому процессу, непрерывное изменение образовательных стандартов и программ курсов дополнительно дезорганизовали учебный процесс. Качество подготовки специалистов продолжало снижаться. Технология разрушения высшего образования методом «от противного» наглядно представлена в статье Д. Сандакова [3]. Интересно отметить, что германские вузы в нормальных экономических условиях на переход к двухуровневой системе запросили срок в десять лет и дополнительное финансирование. У нас же без нормального финансирования этот переход осуществлялся директивно в сжатые сроки.

Для ЕС, создавшего единый рынок труда, Болонский процесс стал логичным продолжением этой политики. Насколько он соответствует интересам нашей страны остается спорным до сих пор. Тем не менее анализ основных составляющих Болонского процесса на основе первичных документов показывает, что в целом Болонская «программа действий» содержит много полезного для процесса реформирования российской высшей школы. Конечно, не все задачи для нас одинаково актуальны. К примеру, задача воспитания граждан России для нас очевидно более важна, чем сформулированные на Пражской и Берлинской встречах задачи воспитания гражданина Европы. Сложным вопросом является механизм реализации преобразований. На это обращают внимание эксперты за рубежом, еще и еще раз подчеркивая необходимость и важность учета интересов государств (подразумеваемая при этом совпадение государственных и общественных интересов) и сохранения исторического, языкового и культурного многообразия. Грубая подстройка отечественной системы высшего образования под «болонский ранжир» в

результате может привести к ее деградации и разрушению [4].

С начала текущего столетия ситуация с финансированием высшего образования в РФ стала постепенно улучшаться. Однако общее состояние системы высшего образования страны оставалось крайне неудовлетворительным. В ряде жестких статей наиболее яркие проблемы были весьма наглядно представлены [5-7]. Хотя отдельные положения этих статей можно оспаривать, в целом представленная картина достаточно правдива. Конечно, предложения Д. Фомина о методах исправления ситуации в высшем образовании звучат зловеще и напоминают технологию репрессий 30-х годов прошлого столетия, делать вид, что все нормализовалось, тоже нельзя.

К сожалению, публикация этих статей не вызвала широкой дискуссии в вузовском сообществе. И до сих пор действительно всенародного обсуждения состояния и проблем высшего образования так и не случилось.

Текущие реформы и их противоречия

Итак, оценки состояния высшего образования в РФ в первом десятилетии нынешнего столетия дифференцируются от уровня «перестало быть» [6] до уровня «тяжелого системного кризиса» [7]. Встречаются даже утверждения, что оно не реформируемо. Предложения по выходу из сложившейся ситуации лежат в диапазоне от уничтожения существующей системы и создания абсолютно новой с разными вариантами ее структурной перестройки до возврата к советской вузовской системе. Последнее не конструктивно и ведет только к напрасным усилиям и потере времени. В соответствии с принципом необратимости времени сложная динамическая система в изменившейся окружающей среде не может стоять на месте или вернуться в исходное состояние [8]. Вместе с тем это не означает, что мы должны слепо копировать англо-саксонскую систему образования и игнорировать положительный опыт советского естественнонаучного образования [9].

Определенную долю оптимизма можно сохранить, если учесть, что во многих вузах (прежде всего не в «новоделах») еще осталась значимая часть преподавательского состава, приверженная ценностному подходу к образованию. В качестве примеров можно привести Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, Тюменский нефтегазовый университет [10-12]. В таких коллективах, вероятно, хорошо работать.

Проблемы реформирования высшего образования активно и достаточно обстоятельно обсуждаются в журналах «Университетское управление» [13-15], «Высшее образование в России» [16], «Высшее образование сегодня» [17], «Вопросы образования» [2] и др. Была опубликована не дошедшая до реализации Стратегия-2020 [18]. Проведено форсайт-исследование будущего высшей школы России до 2030 г. [19]. На первый взгляд может показаться, что в настоящее время недостатка в информированности общества по обсуждаемым проблемам нет. На самом деле это не так. Поскольку реформы идут исключительно сверху и крайне противоречивы, вузовское сообщество, а тем более российское общество в целом, практически не имеет достоверной информации о происходящих процессах, а главное, об их целях и путях осуществления. О причинах «тумана», прикрывающего доступ к открытому обсуждению проблемы, можно только догадываться. «Сложность реализации политики ограничения псевдообразования состоит в том, что последовательное применение прямых мер (контроль профессиональных компетенций выпускников, закрытие вузов по итогам мониторинга и др.) затронет большую часть образовательных программ и большинство студентов, что социально неприемлемо для правительства. Косвенные же меры имеют низкую эффективность» [2, с. 53]. Во всяком случае, у работников вузов в связи с проводимыми реформами возникает множество вопросов и сомнений.

Некоторые авторы, мимоходом «лягнув» социалистическую идеологию и сис-

тему образования в СССР, ставят в пример англо-саксонскую систему и социальные достижения капиталистического мира. Очевидные недостатки советской системы образования возводятся в абсолют, а столь же очевидные достоинства и положительный опыт не упоминаются или намеренно замалчиваются. При этом авторы не замечают, что автоматически становятся на сторону не менее спорной идеологии, которая ведет к обострению глобальных проблем современности, что вызывает озабоченность даже таких апологетов капитализма как Альберт Гор (мл.) [20].

Активизацию системного процесса поиска оптимальной институциональной структуры системы высшего образования России в связи с изменениями внешних и внутренних условий ее деятельности можно приветствовать. Однако у вузовских работников она вызывает опасения, поскольку «гуру» в лице сотрудников ВШЭ декларируют принципы построения этой системы, безапелляционно диктуя министерству образования, что оно должно делать, без привлечения к этому процессу самого вузовского сообщества, включая студентов, а тем более широкой общественности страны.

Большое количество цифровых данных и графиков в статьях и сопоставление с международным опытом создают видимость глубокой научной проработки проблемы и обоснованности предлагаемых решений. При этом любые сомнения отсекаются с помощью «страшилок» типа: «Для российской системы образования, если только мы не собираемся вернуться на век назад, этот подход может стать важным основанием для оздоровления через моделирование нового облика системы образования, адекватной новой экономике и запросам общества» [2, с. 58].

В последние годы власти начали предпринимать попытки расчистить созданные ими же в 90-х годах «авгиевы конюшни» и одновременно формировать новую, соответствующую инновационной

экономике, систему образования в целом [17, 21]. Начала выстраиваться и некая новая структура системы высшего образования РФ. Созданы федеральные и национальные исследовательские университеты, предполагается создание целого ряда опорных вузов в регионах. Идет процесс сокращения общего количества вузов либо путем присоединения «неэффективных» вузов к более сильным (крупным), либо через слияние двух и более вузов.

Критерии «неэффективности» в целом вызывают как минимум разочарование. Компетентный анализ последствий различных вариантов объединения вузов представлен в [22-25]. Можно согласиться с авторами, что «само по себе укрупнение вузов не решает никаких проблем, однако оно создает возможности для их решения» [23, с. 18], но при соблюдении целого ряда условий. Стоило бы добавить, что укрупнение вузов (как и любых других организаций) приводит еще и к ряду редко упоминаемых последствий, а именно: снижению инициативы руководителей, у которых в результате слияния снизился статус; увеличению дистанции власти; централизации полномочий с кратно возрастающей бюрократией; усложнению оперативной деятельности крупных подразделений вуза; уменьшению возможности личных контактов при увеличении числа уровней управления. При этом ухудшается коммуникация не только между верхним и средним менеджментом вуза, но и между студентами и преподавателями, когда в результате преобразований численность работников кафедр возрастает порой до многих десятков человек.

«Попытки борьбы с проявлениями кризиса в высшем образовании административными мерами без глубоких системных изменений... приводят лишь к появлению дополнительного, надстроенного “слоя” фальсификации и имитации. Это имитация реформ, имитация управления развитием: “администраторы делают вид, что руководят модернизацией, преподавате-

ли делают вид, что модернизируют исследовательский, образовательный процесс и т.д.”. Предпринимаются различные “модные” нововведения, например, внедряются балльно-рейтинговые системы, менеджмент качества и т.п., которые очень часто сводятся к появлению дополнительных регламентов, записей и т.д., не оказывая влияния на реальное качество результатов образования» [19, с. 19].

К сожалению, как наглядно показал член-корреспондент РАН Ж.Т. Тошенко [26], процессы имитации не ограничиваются системой высшего образования, а пронизывают всю систему государственных организаций снизу доверху.

Снижение большинства показателей, которыми оправдывается отнесение вузов к категории неэффективных и делается вывод об их деградации, связано с кризисом экономики, общей экономической политикой страны и территориальным расположением вуза. Для каждого из снижающихся показателей можно сразу назвать несколько причин, которые лежат вне поля возможных ответных действий вуза. Каждый из используемых 52 показателей мониторинга системы высшего образования, которые предлагается дополнить еще 10 показателями [15], должен быть рассмотрен с учетом пользы для страны. Нельзя забывать, что это прокси-индикаторы и их функциональная связь с декларируемыми целями высшего образования не доказана. А вот то, что они могут отвлекать и действительно отвлекают вузы и профессорско-преподавательский состав от истинных целей в сторону «работы на показатель», не требует доказательств. У многих работников вузов возникает подозрение, что это и есть основная цель некоторых реформаторов.

Авторы статьи [23] пытаются даже объяснить трудности реализации кардинальных изменений в университетах тем, «что “зрелый” профессорско-преподавательский состав негативно встречает любые перемены». Таким образом, виноватыми в сложившейся ситуации оказываются не «зрелые» реформаторы, проводящие неподготовленные эксперименты сразу

на всей территории большой страны, а «зрелая» часть преподавательского состава.

Не вызывает сомнений, что среди созданных в 90-е гг. вузов и филиалов имеется много неэффективных (в смысле качества подготовки специалистов) организаций. Но они в своей основе и создавались не для подготовки профессионалов, а в расчете на «ликвидность вкладов населения», тогда как «образовательный бум 2000–2005 гг.», о котором пишет Л.М. Филатова [27, с. 70, 72], был в основном не спросом на образование, а спросом на дипломы, который подогревался вузами для привлечения средств. При этом именно действительно зрелый (без кавычек) преподавательский состав выступает не против перемен вообще, а лишь тех из них, которые направлены исключительно на имитацию бурной управленческой деятельности либо прямо или косвенно противоречат интересам страны [14, 25].

Примечательно, что системный анализ целей развития вуза привел авторов [25] к выводу, что две подцели международного рейтинга прямо противоречат супер целям страны. Этот вывод мог бы быть еще усилен, если бы авторы, сделавшие слишком смелый вывод о полноте принятых ими подцелей вуза, добавили бы к ним еще подцели воспитания гражданина России, повышения общего уровня культуры общества и др. Несмотря на некорректную операцию сложения баллов, предложенная авторами методика может быть успешно применена для оценки путей развития вуза.

Конкуренция vs кооперация

В ст. 3 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [28] сформулированы основные принципы государственной политики и правового регулирования в сфере образования, которые в целом соответствуют долгосрочным целям нашей страны. Пункты 2, 3 и 8 этой статьи вполне могут служить руководством для формулирования первоочередных целей и основных задач системы высшего образования России.

Необходимо только начать их реально исполнять.

Некоторое недоумение вызывает пункт 11 статьи 3: «недопустимость ограничения или устранения конкуренции в сфере образования». Вероятно, этот пункт появился по настоянию «рыночников» в связи с абсолютизацией рынка как всеобщего двигателя прогресса. К примеру, в статье сотрудницы ВШЭ Л.М. Филатовой выражение «рынок высшего образования» встречается 14 раз [27]. Однако система образования в целом и высшего в частности, является ценностно-ориентированной и не может быть направлена исключительно на извлечение прибыли. Поэтому элементы рыночного механизма, уместные на международном уровне, не должны быть определяющими внутри системы высшего образования РФ. Да и на международном уровне конкуренция в этой сфере должна быть направлена не столько на извлечение дохода, сколько на продвижение интересов страны. Не случайно в ФРГ высшее образование практически бесплатно не только для граждан Германии, но и для иностранных граждан, а институт имени В. Гёте, способствующий продвижению немецкого языка в мире, на 2/3 финансируется Министерством иностранных дел ФРГ.

Предполагается, что конкуренция способна обеспечить развитие системы образования, повышение качества образования, качества и результативности труда ППС, вузовских подразделений и вузов в целом. Но если конкуренция даже в реальной экономике начала пробуксовывать (с начала периода «рейганомии» кривые роста ВВП и роста благополучия общества все быстрее расходятся), то в системе высшего образования стимулирование конкуренции в вузах приводит к общему снижению уровня нравственности. «Нивелировка академического признания и нарушение меритократических принципов вытесняют из вузовской системы наиболее талантливых людей, делая значимыми внеакадемические ценности – услужливость, протекционизм, клановость и, как результат,

непрофессионализм. Высокая концентрация в вузовском менеджменте носителей неакадемических ценностей фактически разрушает систему и подрывает ее авторитет в обществе» [14, с. 33-34]. Она продвигает в этой системе людей с пониженным уровнем нравственности, что неизбежно будет трансформироваться и на уровень студентов (будущих руководителей предприятий и педагогов), а это может привести к необратимым тяжелым последствиям для состояния российского общества в целом.

Опасность преувеличения роли конкуренции, даже в условиях рынка, наглядно представлена в книге «Фактор 4». Авторы пишут, что конкуренция – это война, и если речь идет только об абстрактном капитале, то политический вред можно было бы пережить. «Но неизбежно, что связанные с капиталом люди, фирмы, нации втягиваются в воинственную ментальность. В результате возникает международная напряженность, которая не уступает латентным опасностям холодной войны» [29, с. 310].

Для повышения результативности работы ППС и вузов в целом, в первую очередь, целесообразно всемерно развивать и поддерживать кооперацию на всех уровнях. Необходимую соревновательность (при соответствующем отборе персонала по призванию) вполне способны обеспечить присущее каждому человеку стремление к самореализации и природное тщеславие. Даже в реальном секторе экономики известны успешные примеры перехода с принципа «Я» на принцип «Мы» при соответствующей организации дела и переориентации стимулов. Это приводило к повышению не только результативности труда, но и его эффективности (снижению затрат). Можно предполагать, что в системе образования такой подход будет гораздо полезнее, чем стимулирование конкуренции.

Выводы: определить приоритеты и начать действовать

Реформирование любой системы, как правило, продиктовано необходимостью ее сохранения, адаптации к изменяю-

щимся внешним и внутренним условиям и развитию. Вопрос в том, в чьих интересах, в каком объеме и с какой степенью интенсивности должны эти реформы проводиться. Этот вопрос подлежит обсуждению и должен решаться, прежде всего, в интересах многонационального народа России (именно России, а не всей человеческой популяции или Европы, именно народа, а не только избирателей и, тем более, не только властей, именно народа, а не отдельного Человека Мира, космополита). Это положение нельзя научно доказать или обосновать. Это вопрос веры, но можно полагать, что такая основа приемлема для подавляющего большинства россиян.

Привлечение к этой работе здоровой части интеллектуального ресурса, еще сохранившегося в высшей школе и РАН, а также представителей широкой общественности крайне важно. Иначе при проведении реформ исключительно сверху по рецептам ВШЭ с верой во всемогущество рынка, может получиться по Черномырдину: «Хотели как лучше, получилось как всегда».

Авторы форсайт-исследования 2030 справедливо констатируют, что «Специфика и масштаб задач модернизации высшей школы таковы, что они не могут быть решены лишь усилиями государственного аппарата управления или администрациями вузов. Необходимы объединение усилий, координация проектов разных активных групп, различных коллективов, которые принимают как собственную задачу переход в будущее – создание новой ситуации, которая отличается от ситуации настоящего. Можно сказать, что необходимо формирование коалиции развития, в которую войдут разные субъекты – их усилиями будет совершен переход в будущее» [19, с. 24].

Представляются целесообразными следующие начальные шаги на этом пути:

1. Организовать всероссийское обсуждение кризиса высшего образования:

- а) выступления по телевидению с достаточно подробными и, главное, чест-

ными оценками существующей ситуации министра высшего образования, Председателя Комитета ГД РФ по образованию, представителей Общественной палаты, руководства Союза работодателей, представителей работодателей из оборонного комплекса, руководителей регионального уровня власти (двух-трех губернаторов);

- б) перед выступающими поставить задачу изложить с соответствующим обоснованием, что уже делается и что запланировано сделать в обозримом будущем для улучшения ситуации;

- в) требуется также изложить технологию реализации предлагаемых шагов, поскольку это затрагивает личные жизненные траектории сотен тысяч преподавателей и миллионов студентов;

- г) организовать публичное обсуждение проблем по типу проводимых Президентом РФ с публикацией в СМИ итогов такого обсуждения.

2. Сформулировать требования не только к профессиональным, но и к нравственным качествам ППС.

3. Освободить вузы от работников, которые по своим деловым, а главное, нравственным качествам, не соответствуют этим требованиям.

Если вспомнить о партийных «чистках» в коммунистической партии, то сразу становится очевидной основная проблема и главное препятствие для такого шага – «а судьи кто?». Но когда-то такой шаг надо делать, если мы хотим сохранить страну. В какой-то степени ВАК этим начал заниматься, но только «сверху», а надо бы и «снизу». Думается, что здоровая часть коллективов вузов на такой шаг еще способна. Нужно научиться снова говорить и воспринимать правду, какой бы неприятной она ни была.

4. После этого можно заняться радикальным повышением результативности труда ППС и ученых путем сокращения бюрократических процедур и соответствующего им аппарата.

Пути здесь известны и опробованы в развитых странах: сокращение регламентации за счет перехода к рамочным требованиям, делегирование полномочий с соответствующим распределением ответственности, использование принципа доверия (после тщательного отбора персонала) вместо непрерывной череды оценки, замена тотального контроля выборочным (плановым и по сигналам с мест) и т.д. [30].

Есть множество путей существенного повышения результативности труда ППС, но они требуют инициативы со стороны преподавателей, а соответственно, внутренней мотивации. В настоящее же время слишком большая доля работников высшего образования находится в состоянии демотивации и внутреннего увольнения.

В интервью редактору журнала «Управление бизнесом» И. Кравцовой известный российский ученый доктор технических наук, профессор Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики Т. Палташев на вопрос «Что должно произойти, чтобы Россия вышла на современный уровень развития экономики?» ответил так: «Надо с моралью разобраться, а остальное все уже будет сделано в рабочем порядке усилиями всего народа. Деморализованная армия неспособна воевать, это просто шайка вооруженных бандитов. Деморализованное общество находится в состоянии паралича и неспособно к какому-либо развитию, не говоря о высокотехнологическом. Будет мораль в стране – технологии не заставят себя ждать. Способов восстановления и поддержания морали существует много. Есть и исторический опыт вывода из «моральной комы» как армий, так и целых государств. Психология человека не изменилась за тысячелетия, поэтому все эти способы вполне пригодны и сейчас» [31].

Автор выражает свою признательность ведущему библиотекарю Научно-технической библиотеки ТПУ О.М. Васильевой за участие в обсуждении статьи, а также за редактирование и форматирование рукописи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романов, Е.В. Неэффективные вузы: миф и реальность // Университетское управление: практика и анализ. – 2012. – № 6. – С. 70–76.
2. Кузьминов, Я.И. Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» / Я.И. Кузьминов, Д.С. Семенов, И.Д. Фруммин // Вопросы образования. – 2013. – № 4. – С. 8–69.
3. Сандаков, Д.Б. Как развалить систему образования: диверсионная программа [Электронный ресурс] // Образование.by. Образование и обучение в Беларуси: сайт. – 2008–2016. – URL: <http://obrazovanie.by/sandakov/kak-razvalit-obrazovanie.html>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 16.12.2016).
4. Дульзон, А.А. О реформировании системы высшего образования России / А.А. Дульзон, О.М. Васильева // Качество образования: технологии, экономика, законодательство: материалы IX межрегион. науч.-метод. конф., Томск, 17–18 нояб. 2006 г. / Том. экон.-юрид. ин-т (ТЭЮИ); под ред. В.В. Тирского. – Томск: Изд-во ТУСУР, 2007. – С. 6–11.
5. Ауров, О.В. Реформа высшего образования: взгляд из Москвы // Свободная мысль. – 2008. – № 2. – С. 111–124.
6. Золотухина-Аболина, Е. Большая имитация. Образование и наука в современной России / Е. Золотухина-Аболина, В. Золотухин // Свободная мысль. – 2008. – № 2. – С. 87–94.
7. Фомин, Д. Высшая школа: поиск растроченного смысла // Там же. – С. 95–110; № 3. – С. 81–94.
8. Пригожин, И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
9. Коренблит, С.Э. Открытое письмо Президенту Российской Федерации В.В. Путину от профессора Иркутского госуниверситета С.Э. Коренблита [Электронный ресурс] // NewsBabr: сайт. – М., 2012–2016. – URL: <http://newsbabr.com/?IDE=144595>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 24.06.2016).
10. Гуськова, Н.Д. Ценности как элемент системы организационной культуры университета / Н.Д. Гуськова, А.В. Ерастова // Университетское управление: практика и анализ. – 2015. – № 4. – С. 67–75.
11. Бакштановский, В.И. Ойкумена прикладной этики: стратегия нового освоения. Прикладная этика: «КПД практичности» / В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов. // Ведомости. – Тюмень: НИИ ПЭ, 2008. – Вып. 32, спец. – С. 29–58.
12. Бакштановский, В.И. Этически полноценный профессионализм: индивидуальный долг или институциональная поддержка? / В.И. Бакштановский, М.В. Богданова // Там же. – 2011. – Вып. 38: Прикладная этика для магистрантов и профессоров / под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. – С. 119–136.
13. Анализ показателей эффективности деятельности российских вузов / М.П. Астафьева, О.А. Зятева, И.В. Пешкова, Е.А. Питухин // Университетское управление: практика и анализ. – 2015. – № 4. – С. 4–18.
14. Дадаева, Т.М. Реформа высшей школы: парадоксы и тупики институциональных изменений / Т.М. Дадаева, И.М. Фадеева // Там же. – 2014. – № 4-5. – С. 28–35.
15. Меликян, А.В. Показатели мониторинга системы высшего образования в России и за рубежом // Там же. – № 3. – С. 58–66.
16. Любимов, Л. Реформа образования: благие намерения, обретения, потери // Высшее образование в России. – 2004. – № 12. – С. 8–24.
17. Карелина, И.Г. Мониторинг деятельности образовательных организаций – инициатива системных изменений в высшем образовании. Ст. 1 / И.Г. Карелина, А.Б. Соболев, С. О. Сорокин // Высшее образование сегодня. – 2015. – № 6. – С. 37–46; Ст. 2. – № 7. – С. 55–61.
18. Стратегия–2020: Новая модель роста – новая социальная политика [Электронный ресурс]: итог. докл. о результатах эксперт. работы по актуал. проблемам соц.-экон. стратегии России на период до 2020 г. – URL: <http://docslide.net/documents/-2020-2012.html>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 27.06.2016).
19. Ефимов, В.С. Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд [Электронный ресурс]: форсайт-исследование – 2030: аналит. докл. / В.С. Ефимов, А.В. Лаптева; под ред. В.С. Ефимова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – 182 с. – URL: http://foresight.sfu-kras.ru/sites/foresight.sfu-kras.ru/files/_Doklad_Vysshaya_shkola_-_2030_ekspertnyy_vzglyad_2012_0.pdf, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 27.06.2016).
20. Gore, Al. Angriff auf die Vernunft / Al. Gore. – Muenchen : Riemann Verl., 2007. – 395 S.
21. Государственная программа РФ «Развитие образования» на 2013–2020 годы [Электронный ресурс]: утв. постановлением Правительства Рос. Федерации от 15 апр. 2014 г. № 295. – [М., 2013]. – 146 с. – URL: <https://cdnimg.rg.ru/pril/95/79/95/295.pdf>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 27.06.2016).
22. Беляков, С.А. Процессы объединения в системе высшего образования: проблемы и возможности / С.А. Беляков, А.В. Федотов, А.В. Фигурин // Университетское управление: практика и анализ. – 2013. – № 6. – С. 8–18.
23. Лисюткин, М.А. Как деградируют университеты? К постановке проблемы / М.А. Лисюткин, И.Д. Фруммин // Там же. – 2014. – № 4-5. – С. 12–20.
24. Ключев, А.К. Организационное развитие вузов: оптимизация практик // Там же. – 2015. – № 6. – С. 57–68.
25. Ключев, Ю.Б. Анализ стратегических целей развития вуза / Ю.Б. Ключев, Д.Г. Сандлер // Там же. – 2014. – № 1. – С. 6–17.
26. Тошенко, Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация // Социологические исследования – 2012. – № 12. – С. 23–36.
27. Филатова, Л.М. Ресурсы высшего образования: курс на сохранение приема студентов // Университетское управление: практика и анализ. – 2014. – № 4-5. – С. 67–76.
28. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ (ред. 15 июля 2016 г.). – Доступ из информ. справоч. системы «Кодекс».
29. Weizsaecker, E. Faktor vier: Doppelter Wohlstand – halbierter Verbrauch. Der neue Bericht an den Club of Rome / Ernst Ulrich von Weizsaecker, Lovins Amory B., Lovins L. Hunter. – Muenchen: Droemer Knaur, 1997. – 352 S.
30. Дульзон, А.А. Пути повышения результативности труда персонала вуза // Университетское управление: практика и анализ. – 2013. – № 2. – С. 27–33.
31. Палташев, Т. В России надо с моралью разобраться, а все остальное будет сделано в рабочем порядке [Электронный ресурс]: интервью ред. журн. «Управление бизнесом» И. Кравцовой. – Публ. 11.07.2012. – URL: <http://www.rusnor.org/pubs/interviews/8041.htm>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 09.03.2015).